

А.Х. Хильгер

СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ: НЕМЕЦКИЙ ПЛЕН И ПРОБЛЕМЫ ВОЗВРАЩЕНИЯ НА РОДИНУ

Рассматриваются ключевые аспекты истории советских военнопленных Второй мировой войны в немецком плену. К ним относятся мотивация немецких конкретных мер в отношении советских военнопленных, позиция вермахта в этом вопросе, численность пленных и погибших, их стратегии выживания и репатриация. Анализируется политика германского руководства в отношении военнопленных и описываются судьбы отдельных категорий военнопленных. Обращение к послевоенной памяти о бывших военнопленных показывает, что эта тема до сегодняшнего дня лишена должного внимания. Совместный российско-немецкий проект – одна из инициатив для исправления этой ситуации.

Ключевые слова: советские военнопленные; Вторая мировая война; военные преступления; репатриация; воспоминание.

Введение

История советских военнопленных Второй мировой войны до сих пор остается на задворках немецкой исторической науки. Не обсуждается эта тема и в контексте вопросов «культурной памяти». Предложение одной из инициативных групп немецкой общественности, которая вот уже несколько лет ведет работу по созданию в Берлине общенемецкого мемориала памяти в том числе красноармейцев, почтить память жертв так называемой «восточной политики» национал-социализма пока не нашло сколько-нибудь значимого отклика [1].

Сегодня одним из пятидесяти классических исторических трудов, опубликованных после окончания Второй мировой войны, по праву считается фундаментальное исследование Кристиана Штрайта «Они нам не товарищи», вышедшее в 1978 г. [2] Несколькими десятилетиями ранее авторитетное мнение по этому вопросу уже высказал Международный военный трибунал в Нюрнберге, заявив в своем приговоре, что «обращение с советскими военнопленными... характеризовалось особой бесчеловечностью», а их смерть была «следствием претворения в жизнь планов по систематическому уничтожению» [3. С. 536]. Тем не менее представляется, что этой теме не удалось стать важным предметом исследований немецких историков. Даже такие значимые явления в области исторической политики, как выставка «Преступления вермахта. 1941–1944 годы», прошедшая в середине 1990-х гг., и периодически вспыхивающие дебаты о выплате Германией компенсаций бывшим военнопленным не изменили в корне эту ситуацию.

Знаменательно, что, насколько можно судить, эту тему обходят стороной также историки и сторонники исторической политики в государствах постсоветского пространства. Это, безусловно, удивительное явление; нежелание заниматься темой жертв национал-социализма является достаточным поводом для того, чтобы в очередной раз обратиться к конкретным событиям, так как советские военнопленные были второй по численности группой жертв Третьего рейха и его «крупных» и «мелких» деятелей.

По сей день фактически отсутствует международный консенсус как относительно точности численности военнопленных, так и относительно того, можно ли вообще сделать достоверные, общепризнанные и имеющие обязательную силу выводы на основании соответствующих статистических данных. И действительно, до нас дошли далеко не все источники. Кроме того, обнаруживаются существенные различия между данными разных немецких ведомств, которые, собственно, должны были располагать точной информацией, а также несовпадения между совокупными данными и сведениями отдельных источников о численности пленных.

Так, в датированных началом 1945 г. документах Верховного командования сухопутных войск (ОКХ) и генерал-квартирмейстера, с одной стороны, и отдела «Иностранные армии Востока» (Fremde Heere Ost), с другой стороны, говорится либо о 5,2 млн пленных, либо о 5,7 млн [4. С. 559]. Данные, которые в свое время сообщил СССР, еще больше все запутывают. Согласно официальной статистике потерь Красной армии, число пленных составило 4,1–4,5 млн плюс 0,5 млн мобилизованных военнообязанных, попавших в плен до прибытия в распоряжение своих частей [5. С. 226–236; 6]. Обнародовав в декабре 1945 г. данные о 1,8 млн репатрированных военнопленных, советские власти, естественно, не сообщили об общем их количестве. Жесткая политика советского руководства по отношению к своим пленным соотечественникам наталкивает на мысль о том, что судьбы военнопленных можно проследить по другой советской статистике, например по 370 тыс. судебных процессов против «дезертиров» и других, которые велись в СССР с 1941 по 1945 г., а также по делам так называемых «власовцев», которых заклеили «предателями Родины» и тем самым лишили статуса военнопленных.

Наряду с проблемой со статистическими данными об общем количестве пленных, сведения о смертности в плену также варьируют. Разные ученые сходятся на цифре 2,5–3,3 млн умерших и убитых военнопленных. Как и следовало ожидать, подсчеты на основании официальных советских данных дают более низкие цифры [7. С. 29–31]. Однако несомненно одно: упомянутые здесь масштабы трагедии плена огромны и ужасающи.

Дебаты по вопросу о военнопленных ни в коем случае нельзя понимать только лишь как дискуссию о цифрах. Вопросы статистики тесно связаны с проблемами статуса, т.е. с тем, кого немецкая сторона вообще считала и признавала военнопленным. Тесную связь между статусом и статистикой хорошо иллюстрирует такой пример, как убийства советских комиссаров и политруков: немецкая сторона отказала этим категориям военнослужащих в статусе военнопленных, и они исчезли в буквальном смысле бесследно – в том числе и из статистики [8].

В общем и целом с немецкой точки зрения вопрос статуса представлял собой решение о том, каким противникам можно было присвоить статус военнопленных и тем самым особую международно-правовую защиту, а каким – нет. Такое решение основывалось на общих целях ведущейся войны и идеологических представлениях, принималось в контексте событий на фронтах и оккупированных территориях. Это хорошо видно на примере отношения к партизанам и отбившимся от своих частей красноармейцам. В первые месяцы войны ситуация с этими категориями советских граждан на местах была довольно запутанной, несмотря на то что масштабное и организованное партизанское движение возникло только некоторое время спустя. Тем не менее в указе «О применении военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых мерах войск», изданном в мае 1941 г., говорится о том, что нападения ополченцев и гражданских лиц на немецкие части должны «подавляться войсками вплоть до уничтожения нападающего». Там, где «подобные меры были упущены», ближайший офицер решает, следует ли расстрелять таких «преступных элементов» [9]. Эти положения указа как минимум частично нарушали нормы международного права, согласно которому вышеперечисленные группы лиц при определенных условиях считались военнопленными.

С немецкой точки зрения сложность, особенно на тыловых территориях, заключалась в необходимости отличать отдельных, например беглых, красноармейцев от гражданских лиц и участников воинских соединений, чтобы в установленном порядке признавать военнопленными как минимум красноармейцев и обращаться с ними соответствующим образом. Например, в своем приказе от 29 июня 1941 г. 4-я армия предприняла попытку определить внешние критерии для вышеописанного различия. В приказе говорится, что «с невооруженными лицами, в которых, даже если они одеты в гражданскую одежду, сразу узнаются солдаты», следует обращаться, как с военнопленными. Однако гражданские лица, которые «имеют при себе оружие, даже если этим оружием будет опасная бритва в сапоге, считаются ополченцами и подлежат уничтожению» [10. С. 326–327]. 6-я армия пошла по пути наименьшего сопротивления и издала в июле 1941 г. приказ, предписывавший сразу же расстреливать всех солдат в гражданском [11. С. 367]. В конце июля ОКХ дополнительно распорядилось обращаться, как с ополченцами, также с красноармейцами, которые отбились от своих частей, находились в тылу и не сдались немцам добровольно [10. С. 148–150]. Наконец, в сентябре 1941 г.

главнокомандующий фон Браухич отнес к ополченцам, т.е. к категории, подлежащей уничтожению, и отбившихся от своих частей солдат, которые продолжали сражаться против нацистов, хотя такие солдаты однозначно были потенциальными военнопленными [Там же. С. 266].

Изменения этого радикального подхода обусловлены осознанием того, что жестокость немцев только подливала масла в огонь сопротивления в СССР и в конечном итоге оборачивалась против немецких солдат. В дальнейшем проблема рассматривалась под другими углами зрения: с сентября 1943 г. так называемым формированиям по борьбе с бандами вообще было приказано оставлять в живых всех трудоспособных мужчин на якобы «зараженных партизанами» территориях, чтобы угнать их на принудительные работы, т.е. предоставить в распоряжение немецкой промышленности [Там же. С. 294–295].

Этот пример показывает, что немецкие ведомства из идеологических, экономических и военных соображений присваивали статус военнопленного весьма произвольно, мало заботясь при этом о соблюдении норм права, в том числе международного.

Похожее самоуправство немцы проявляли и в отношении женщин-красноармейцев. В конце июня 1941 г. командование той же 4-й армии открытым текстом предписывало «расстреливать женщин в форме», в то время как ОКХ 30 июня потребовало обращаться с женщинами в форме, как с военнопленными [Там же. С. 326–327]. Однако, несмотря на это, служащие, например, пехотных дивизий и дивизий охраны тылов и тыловых коммуникаций продолжали целенаправленно расстреливать женщин-красноармейцев. В октябре 1941 г. командующий 6-й армией фон Рейхенау и по-прежнему жаловался на то, что «все еще продолжают квалифицировать... развратных женщин, как военнопленных». Позднее ОКХ примечательным образом разрешило фундаментальное идеологическое противоречие между обращением с женщинами-красноармейцами, как с военнопленными, с одной стороны, и как с большевистскими солдатками – с другой. ОКХ согласилось после тщательной «проверки в соответствующих службах гестапо» отдавать женщин-военнопленных в распоряжение соответствующих трудовых ведомств («карбайт-самтов»). То есть женщин лишали статуса военнопленных в угоду, опять же, их интенсивному использованию для нужд немецкой военной экономики. Но на первый план выходил все-таки идеологический момент. Так, в указе говорится: «Поскольку против военнопленных женщин из районов боевых действий повсеместно возникают подозрения, то эта проверка, как правило, позволяет выявить политическую неблагонадежность этих женщин» [Там же. С. 328–330]. Это означало, что женщины, как правило, передавались полиции безопасности, что означало передачу командам смерти («морд-коммандо») или направление в женские концлагеря.

Особенности немецкой политики и идеологии запутали ситуацию со статусами и в такой обширной области, как освобождение пленных, опять-таки с серьезными последствиями. До конца 1941 г. были освобождены около 270 тыс. пленных. Примерно 80 тыс.

из них были украинцами (хотя в ноябре 1941 г. освобождать их перестали), остальные – балтами и этническими немцами. В середине 1942 г. освобождение пленных прекратилось, и на смену ему пришло использование представителей привилегированных национальностей в качестве так называемых «хильфсвиллиге» – добровольцев. Для улучшения ситуации на рынке труда в начале 1945 г. планировалось освободить благонадежных военнопленных всех национальностей с последующей отправкой на работу, однако больших масштабов это явление не приобрело. Стоит отметить, что зачастую не велось ни точный учет, ни индивидуальная регистрация освобождаемых пленных – немецкая логика усложнила статистические изыскания и в этой области [10. С. 655–661, 684, 686–688].

Как видно из приведенных выше примеров, важной особенностью такой немецкой логики обращения с советскими военнопленными было то, что представители всех уровней вермахта большей частью были уверены в неполноценности и возможности использования в своих целях большинства советских военнопленных, особенно русских, не говоря уже о евреях. В этой позиции вермахта слились воедино общее чувство превосходства немцев, общий антикоммунизм и анти-славизм, национал-консервативные и национал-социалистические идеи. Поэтому при обращении с пленными вермахт руководствовался не нормами и принципами международного права, а соображениями пользы, прежде всего военного и экономического характера. Эти соображения возникли и существовали в контексте тогдашнего представления вермахта об иерархии народов: немцы – в самом верху, славяне – гораздо ниже. Заявленная «вынужденная необходимость» вытекала из намерения национал-социалистов вести завоевательную войну на уничтожение, а также из презрения к населению СССР. При таком подходе должно было и могло воплотиться в жизнь намерение уничтожить отдельные группы пленных, а именно пленных, которых органы вермахта и / или представители высокой политики сочли крайне опасными или вообще недостойными жизни.

Ниже я более развернуто обосную и наглядно поясню этот вывод, анализируя три обширных конкретных тематических поля: ‘содержание под стражей’ – ‘селекция’ – ‘обречение на голодную смерть’.

Первое тематическое поле – ‘содержание под стражей’

Это понятие составляет наипервейшую и наиважнейшую задачу любой армии, захватывающей в плен солдат противника, и имеет своей целью сохранение жизни и здоровья пленных [2; 10. С. 253–296, 393–605; 12]. Пресловутое высказывание Гитлера о том, что «коммунист» не может быть товарищем и жестокость «мягка для будущего», поставило под угрозу решение этой фундаментальной задачи [10. С. 123–125]. Вермахт воплотил идеи Гитлера в своих указах и директивах еще при подготовке операции «Барбаросса» в июне 1941 г. Документы снова и снова призывали к жестоким и беспощадным действиям. Приказы, отдававшиеся

войскам во время войны, также подогревали ненависть к красноармейцам – потенциальным пленным. К примеру, фон Рейхенау называл солдат вермахта «носителями народной идеи и мстителями», а также предупреждал о «красной бестии», с которой они вынуждены сражаться [Там же. С. 164–166]. Генерал-полковник Хот (17-я армия) призывал культивировать в себе «здоровое чувство ненависти» к врагу [11. С. 372]. Кроме того, в этот период времени Гитлер продолжал призывать к фанатичной борьбе.

Это натравливание привело к тому, что на фронте вообще не доходило дело до «содержания под стражей», поскольку солдат противника попросту не брали в плен. Индивидуальные мотивы убийства солдат, сдававшихся в плен, были очень разнообразны: иногда такие злоупотребления были продиктованы конкретной боевой обстановкой, иногда – мстостью за атаки противника (причем факты таких атак не всегда были точно установлены, хватало одного подозрения), иногда – досадой из-за сопротивления врага. И все эти чувства подкреплялись и усиливались ярким образом врага, сформированным под сильным влиянием идеологии. Этот образ вдохновлял немецких солдат и на массовые акции возмездия. Так, например, приказ по 9-й армии предписывал убивать десять советских военнопленных за каждый установленный факт плохого обращения с немецкими пленными. Впоследствии немцы отказались от систематического применения этого принципа, правда, по одной-единственной причине: главнокомандующий фон Браухич понял, что «даже расстрел большого числа военнопленных... не обеспечит нам успех», а только спровоцирует советскую сторону на новые атаки [Там же. С. 364]. В рассматриваемом контексте более важным представляется тот факт, что немецкие командиры долго не предпринимали никаких действенных мер против убийства пленных. И только в связи с летним наступлением 1942 г. начались разговоры о том, что ввиду потребности военной экономики Германии в рабочей силе войскам следует разьяснять необходимость захватывать много пленных. Однако в конкретных ситуациях по-прежнему имели место злоупотребления отдельными солдатами в отношении пленных. Имеются доказательства того, что такие преступления совершались примерно в двух третях всех немецких дивизий — несмотря на то что сохранились далеко не все документы [8. С. 202–317].

Вышеописанное отрицательное отношение немцев к пленным ощутили на себе и красноармейцы, взятые ими в плен. Большинству пленных не было уготовано немедленное уничтожение, но об их жизнях никто особо не заботился. Так, вермахт почти не подготовился к приему пленных, хотя, естественно, рассчитывал на победы в сражениях. В тех же случаях, когда такая подготовка велась, стандарты содержания под стражей советских пленных намеренно снижались. В результате в рейхе были организованы специальные изолированные лагеря для советских военнопленных – так называемые «руссенлагер». Этим военнопленным также можно было привлекать к неоплачиваемой работе на нужды армии. Кроме того, для них установили отдельный рацион, который был уравнен с пайками

пленных других национальностей только в 1944 г. Однако даже эти более скудные нормы питания часто не соблюдались, поскольку для снабжения военнопленных использовались ресурсы оккупированных территорий, подвергнутых разграблению и опустошению. Советские военнопленные не имели возможности связаться с государством-гарантом, у них не было доверенных лиц, им запрещалось получать письма и посылки. Они охранялись строже других пленных, вплоть до применения огнестрельного оружия при неповиновении приказу. Поэтому еще осенью 1942 г. командующий германскими войсками на западе фон Рундштедт выступил за использование советских пленных на работах во Франции, ведь «в случае неповиновения их можно просто пристрелить» [11. С. 384].

На этой почве в условиях военного времени (огромное количество пленных, приоритет военных интересов на местах, а также сложности, обусловленные климатическими и географическими условиями) произошел плавный переход от осознанного пренебрежения и недостаточных норм питания к обречению на голодную смерть.

Второе тематическое поле – ‘обречение на голодную смерть’

Это понятие можно назвать синонимом массовой гибели пленных зимой 1941–1942 гг. в районе боевых действий и на территории рейха [2; 10. С. 253–296, 393–605; 12]. К весне 1942 г. количество умерших пленных составило около 2 млн. Важны следующие моменты: хотя уровень смертности после этого в целом снижался, в последующие зимы он всегда сильно увеличивался; в отдельных населенных пунктах и расположениях снова и снова отмечались массовые смерти пленных; уровень смертности советских пленных всегда был гораздо выше, чем уровень смертности западных пленных. Считается, что смертность среди советских военнопленных составила примерно 50%, среди британских и американских пленных – около 3%, среди французских – 2,8, среди польских 2–4, среди итальянских пленных – 6–7% [13. С. 755, 772, 799, 820, 836].

Голодная смерть пленных в 1941–1942 гг. частично была обусловлена тем, что снабжение их велось из местных ресурсов по остаточному принципу и в недостаточной мере. Однако и на территории Германии пленные с самого начала не получали необходимого питания. Определяющее значение имело то обстоятельство, что советские военнопленные находились на самой нижней ступени продовольственной пирамиды. Подтверждением тому служат заявления Геринга, сделанные им на совещаниях в сентябре 1941 г. [10. С. 509–511]. Исходя из этой иерархии, в октябре 1941 г. немцы урезали рацион неработающих пленных почти на 30%; тогда эта мера затронула 1 млн пленных. Увеличение норм питания в декабре 1941 г. не улучшило ситуацию с недоеданием прежде всего потому, что снабжение продовольствием по-прежнему велось с оккупированных территорий.

Усугубляли ситуацию отсутствие нормальной медицинской помощи и полнейшая антисанитария. Дей-

ственных средств, которые могли бы помочь справиться с заболеваниями, вызванными голодом и слабостью – т.е. продуктов питания – не было. Усугубляли ситуацию транспортировка и проживание в катастрофических условиях, а также свирепость караула, перегруженного из-за недостаточной численности. Летом пленных не перевозили в поездах и обозах, а гнали пешком. Поздней осенью и зимой 1941 г. в лучшем случае их сажали в открытые вагоны. Переходы и перевозки зачастую были неорганизованными, т.е. места для ночлега, питание и уход за ранеными предусмотрены не были. Во многих новых лагерях изначально строились только временные укрытия, например землянки и глинобитные строения, в лучшем случае – примитивнейшие бараки. Думаю, все видели фотографии нор в земле, палаток, изорванной одежды, колонн военнопленных, которые набрасываются на грязную воду, открытых вагонов для их перевозки и т.д.

И без того бедственное положение пленных ухудшалось до обстоятельства, что местному населению было запрещено оказывать им помощь. Позже рейхсминистр по оккупированным восточным территориям раскритиковал этот запрет: «В большинстве случаев коменданты лагерей запрещали гражданскому населению передавать продовольствие пленным, обрекая их тем самым на голодную смерть» [Там же. С. 180–184]. Число жертв росло и из-за чрезмерной жестокости, произвола и зверств караула, частично объяснявшихся недостаточной численностью его личного состава.

Наконец, и без того драматичную жизненную ситуацию военнопленных ухудшали условия труда – в том числе те, за создание которых отвечал вермахт. В целом ученые полагают, что пленные имели статус рабов воинских подразделений и использовались, например, для разминирования. С крупными проектами, в частности разработкой месторождений в Донецкой области, дело наверняка обстояло так же. В начале июля 1942 г. Гитлер хотел привлечь к этим работам 60 тыс. пленных, оставив их при этом в непосредственном подчинении ОКХ. Из-за плохого состояния здоровья – летом 1942 г.! – эти пленные не могли работать в шахтах, а уровень смертности зимой в соответствующих шталагах превышал 12%. На немецких предприятиях довольно часто условия труда и их последствия были такими же суровыми.

Положение пленных и, как следствие, их шансы на выживание всегда определялись соображениями выгоды и никогда – гуманитарными соображениями или нормами международного права. Сочетание прагматичного расчета с идеологическим характером войны хорошо прослеживается на примере «Приказа о комиссарах» и так называемых селекций военнопленных.

Третье тематическое поле – ‘селекция’

Гитлер настаивал на том, что для победы в «конфликте двух мировоззрений» «еврейско-большевистская интеллигенция должна быть уничтожена», требовал «обезвреживать большевистских главарей и комиссаров», а также задействовать службу безопасности и полицию безопасности на территориях, исконно пред-

назначавшихся вермахту, т.е. в районах боевых действий [2; 10. С. 123–125, 331–392; 14]. Верховное командование вермахта даже и не думало возражать против этих требований. Еще в марте 1941 г. генерал-квартирмейстер Вагнер и начальник Главного управления имперской безопасности Гейдрих договорились о том, что полиция безопасности и СД будут действовать совместно с армией, а в апреле ОКХ утвердило эту договоренность. Речь шла о предоставлении этим национал-социалистическим службам доступа к тыловым территориям. Перед ними стояла задача обеспечить «политическую безопасность» этих территорий согласно собственному определению и освободить армию от необходимости обезвреживать «повстанческие элементы». На самом деле войсковые части и полиция безопасности в тесном сотрудничестве боролись с красноармейцами, отбившимися от своих частей, партизанами и другими категориями лиц.

Наряду с этим на базе вышеупомянутого указа «О применении военной подсудности в районе “Барбаросса” и об особых мерах войск» были разработаны и 6 июня 1941 г. приняты так называемые «Директивы об обращении с политическими комиссарами» [10. С. 318–325]. Они требовали расстреливать военных комиссаров в армейских тылах и тылах районов боевых действий, а во фронтовом тылу – передавать айнзацгруппам полиции безопасности и СД. В августе 1941 г. действие приказа было распространено на «политруков» и «помощников по политической работе». Жертвами этого приказа стали до 10 тыс. человек, так как его получили и, как правило, исполняли все соединения. С учетом развития событий на фронтах в мае 1942 г. действие приказа было приостановлено, чтобы привлечь перебежчиков.

Так называемые селекционные были тесно связаны с «Приказом о комиссарах», однако не только с ним одним. Здесь учитывались также соображения касательно направления военнопленных на работы, которое сначала предусматривалось, затем было отменено, а с октября 1941 г. – введено окончательно и расширено. Направлению на работы должны были предшествовать селекционные, поскольку считалось, что «надлежит защитить немецкий народ от большевистских подстрекателей и немедленно крепко взять власть в свои руки на оккупированных территориях» [Там же. С. 325]. При этом генерал Рейнеке приветствовал тесное сотрудничество вермахта с полицией безопасности и СД, так как, по его мнению, многие офицеры и солдаты все еще действовали недостаточно жестко.

В конце июня 1941 г. ОКХ и Главное управление имперской безопасности договорились о создании в штаб-лагах айнзацкоманд, на которые возлагалась задача по проведению сортировок, в середине июля были изданы соответствующие приказы по генерал-губернаторству и рейху, а в середине октября – по фронтовым тылам. От основной массы военнопленных отсортировывались функционеры, так называемые интеллигенты, евреи, потенциальные подстрекатели, а также – для использования при установлении нового порядка на оккупированных территориях – военнопленные, которые, по мнению немцев, особо рьяно поддерживали нацистов.

«Негативные» пленные направлялись в концлагеря и умерщвлялись; в частности, их использовали для проведения опытов на людях и испытаний газа «Циклон-Б». Через некоторое время стало понятно, что селекционные, проводившиеся в лагерях, оскорбляли чувство чести некоторых (немногих) солдат и шли вразрез с важными экономическими соображениями. Поэтому в мае 1942 г. от этой практики начали отходить [10. С. 331–345, 351–356].

Тем не менее вермахт и полиция безопасности продолжали сотрудничать. При совершении преступлений военнопленные по-прежнему направлялись в концлагеря, а с мая 1944 г. туда также попадали унтер-офицеры и офицеры после неудавшихся попыток бегства. На территории рейха селекционные проводились, если, например, работодатель и караул сообщали о нежелании пленных работать, подстрекательской деятельности военнопленных офицеров или об одной из редких любовных связей военнопленного с немецкой или советской женщиной. Общее количество жертв селекционных составило не менее 140 тыс. человек.

Не следует путать селекционные с направлением пленных в концлагеря якобы для привлечения к труду – в этом были заинтересованы СС, которые хотели в том числе таким способом укрепить собственную экономическую империю. Еще в марте 1942 г. в Люблине планировалось создать лагерь СС для военнопленных, рассчитанный примерно на 150 тыс. узников. На самом деле в распоряжение СС, очевидно, поступило гораздо меньше «работников»: в октябре 1941 г. в Гросс-Розен, Дахау и другие лагеря было направлено около 25 тыс. военнопленных. Всего за несколько месяцев основная их масса погибла от тяжелой работы. Так, из 10 тыс. пленных, отправленных на работы в Освенцим в октябре, через 9 месяцев были зарегистрированы только 163.

Судьба пленных, получивших по результатам селекционных привилегии, в конечном итоге тоже, как правило, была всецело в руках немцев. Например, если пленные, служившие в разведывательно-диверсионной организации «Цеппелин», оказывались непригодными к этой службе или якобы неблагонадежными, их немедленно расстреливали.

Хотя в целом коллаборация пока исследована недостаточно, из последних работ в этой области уже становится понятно, что формы и мотивы сотрудничества с немецкой стороной были весьма и весьма разнообразными. Это приводит к пересмотру и иногда объявлению несостоятельными традиционных концепций, частью которых являются политически выгодные категоризация и оценка героев, предателей, сопротивленцев, жертв и преступников. Наряду с огромными пропастью между разными группами военнопленных – узников концлагерей иногда обнаруживаются удивительные союзы коллаборационистов, сопротивленцев и пассивных узников, направленные против немецких охранников и их агрессии. Взаимоотношения между узниками, их индивидуальные и групповые позиции представляются более сложными и динамичными, чем описывали раньше большинство исследователей. Так или иначе, при принятии решения добровольно согласиться на работу или выполнение других обязанностей

будущие коллаборационисты очень часто руководствовались желанием просто выжить в немецком плену. То есть для подавляющего большинства таких пленных коллаборация была стратегией выживания, а не окончательным политическим решением за или против Гитлера или Сталина. Соответственно, некоторые пленные-коллаборационисты переходили на другую сторону: они использовали свое положение, чтобы помогать другим пленным оказывать сопротивление или готовить собственное сопротивление. Некоторые пленные изменяли принятые ранее решения. Перемена военно-политической обстановки влекла за собой проверку и при необходимости корректировку соответствующей стратегии и действий по ее реализации. Коллаборанты перебежали из боевых подразделений на сторону Красной Армии или партизан. Интересно, что антинемецкое восстание грузин на острове Тексел длилось до 20 мая 1945 г.(!) [15–17].

Заключение

Сегодня Федеральное правительство Германии в тесном сотрудничестве с Правительством России реа-

лизует совместный проект, целью которого является восстановление имен и биографий военнопленных путем архивного поиска, а также содействие историческим исследованиям на эту тему путем изучения индивидуальных и коллективных судеб. При этом в фокусе должны оказаться сами военнопленные, что позволит исследовать, задокументировать и проанализировать многочисленные аспекты их жизни в плену и после плена как часть политической и социальной истории Германии и СССР в военное и послевоенное время, как часть истории сопротивления, истории преследования и истории коллаборационизма в Европе, как часть мировой истории и истории европейской культурной памяти.

Стоит отметить, что при подготовке этой небольшой статьи уже были использованы некоторые первые находки и выводы, сделанные в рамках вышеупомянутого проекта. Последние научные работы и сотрудничество в Прибалтике, Казахстане, Сербии, Франции и других странах всегда подчеркивают европейский и международный масштаб, а также фундаментальное значение данного комплекса вопросов, который, надеемся, наконец будет детально проработан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Der NS-Lebensraumpolitik. URL: <http://www.gedenkort-lebensraumpolitik.de/> (das Datum des Zuganges: 16.11.2018).
2. Streit C. Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Stuttgart : DVA, 1978.
3. Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof Nürnberg, 14. November 1945-1. Oktober 1946. Nuremberg : IMT, 1947. Bd. 21–22.
4. Keller R. Nagel Jens. Otto Reinhard. Sowjetische Kriegsgefangene in deutschem Gewahrsam. Zahlen und Definitionen. 2008. VfZG 56.
5. Кривошеев Г.Ф. Андроников В.М. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. Москва : Вече, 2010.
6. Земсков В.И. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М. : Центр гуманитарных инициатив, 2016.
7. Gefangene in deutschem und sowjetischem Gewahrsam 1941–1956. Dimensionen und Definitionen / U. Schmidt, M. Zeidler (hrsg.). Dresden : HAIT, 1999.
8. Römer F. Der Kommissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront, 1941/42. Paderborn : Schöningh, 2008.
9. Schlüsseldokumente zur Deutschen Geschichte. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0093_kgs&l=de (das Datum des Zuganges: 16.11.2018).
10. Rotarmisten in deutscher Hand. Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitierung sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkriegs / A. Hilger, R. Overmans, P. Polian (hrsg.). Paderborn: Schöningh, 2012.
11. Hürter J. Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion, 1941/42. München : Oldenbourg, 2006.
12. Keller R. Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42. Göttingen : Wallstein, 2011.
13. Overmans R. Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945 // Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, tom 9,2: Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939 bis 1945 / J. Echternkamp (hrsg.). München : DVA, 2005. C. 729–875.
14. Reinhard O. Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42. München : Oldenbourg, 1998.
15. Kaltenbrunner M. Flucht aus dem Todesblock. Der Massenausbruch sowjetischer Offiziere aus dem Block 20 des KZ Mauthausen und die „Mühlviertler Hasenjagd“. Innsbruck : Studienverlag, 2012.
16. Edele M. Stalin's defectors. How Red Army soldiers became Hitler's collaborators, 1941–1945. Oxford : Oxford University Press, 2017.
17. Althoetmar K. Gekreuzigte Insel. Der Aufstand der Georgier auf Texel. 6. April 1945. Bad Münstereifel: Independent Create Space Publishing Platform, 2016.

Hilger Andreas. German Historical Institute Moscow (Moscow, Russia). E-mail: andreas.hilger@dhi-moskau.org

SOVIET POWS IN THE GERMAN CAPTIVITY AND RETURNING HOME

Keywords: Soviet Prisoners of War; Second World War; War crimes; Repatriation; Remembrance.

On 22 June 2016, the Joint Statement of the German and Russian foreign ministers, Frank-Walter Steinmeier and Sergey Lavrov initiated a new German-Russian project on the history of Soviet and German Prisoners of War and Internees. The initiative reflected the general memorial gap with regard to the fate of this victim group of National Socialism.

The purpose of the article is to analyse the most important aspects of German policy towards Soviet Prisoners of War. On this basis, the article discusses the development of historical research and collective memory in Germany, post-Soviet republics, and the rest of Europe, thus highlighting misbalances in our historical knowledge about the Third Reich and in our commemoration alike. The article draws from a vast collection of war-time documents, secondary literature, and media coverage of newer developments.

German policy against Soviet POWs constituted an integral part of the national-socialist war of annihilation against the Soviet Union. Indeed, pre-war planning expected millions of Soviet POWs. With regard to these future prisoners, German military authorities translated Hitler's ideological prescriptions into a special regime for Soviet POWs of War, thus demonstrating ideological allegiance or ideological compatibility. In comparison to the treatment of Western POWs, the Wehrmacht consciously defined lower standards of accommodation, medical support, and supplies, postulated harsher rules of custody and work, excluded Soviet POWs from certain general rights of POWs, and so on. Besides, Hitler and the Wehrmacht singled out certain categories of the Red Army's soldiers for immediate homicide. Altogether, German politics reflected general anti-communism, anti-slavism, and German beliefs in racial hierarchies. There-

fore, mass mortality of Soviet POWs in German custody cannot be ascribed to allegedly unexpected climate or transport conditions, surprisingly high numbers of POWs, and the like, but proved to be a logical, often desired result of handling of Soviet POWs. Against this background, Soviet POWs developed, if possible, own strategies of survival. In this field, the article discusses possible 'grey zones' between the poles of collaboration and resistance. It makes clear, that Stalin's general condemnation of POWs as traitors did not correspond to the realities of German camps and politics or to the activities of the vast majority of POWs, but reflected his ideological approach to assumed alliances between internal and external enemies. Finally, deep-seated German racial and political prejudices against Soviet POWs as well as Soviet politics with regard to POWs and home-comers contributed to the long neglect of this group in historiography and remembrance.

REFERENCES

1. Germany. (n.d.) *Der NS-Lebensraumpolitik* [THE NS Lebensraum policy]. [Online] Available from: <http://www.gedenkort-lebensraumpolitik.de/>. (Accessed: 16th November 2018).
2. Streit, C. (1978) *Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945* [They are not comrades to us. Wehrmacht and Soviet prisoners of war, 1941–1945]. Stuttgart: DVA.
3. Germany. (1947) *Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof Nürnberg, 14. November 1945–1. Oktober 1946* [The trial of the International Military Tribunal over the main war criminals, November 14, 1945 – October 1, 1946]. Vol. 21–22. Nuremberg: IMT.
4. Keller, R. & Nagel, J. (2008) *Otto Reinhard. Sowjetische Kriegsgefangene in deutschem Gewahrsam. Zahlen und Definitionen* [Soviet prisoners of war in German captivity. Number and definitions]. VfZG 56 (2008).
5. Krivosheev, G.F. & Andronikov, V.M. (2010) *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Kniga poter'* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. The Book of Loss]. Moscow: Veche.
6. Zemskov, V.I. (2016) *Vozvrashchenie sovetskikh peremeshchennykh lits v SSSR. 1944–1952 gg.* [The Return of Soviet Displaced Persons in the USSR. 1944–1952]. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
7. Schmidt, U. (1999) *Gefangene in deutschem und sowjetischem Gewahrsam 1941–1956. Dimensionen und Definitionen* [Captives in German and Soviet captivity. Scales and definitions]. Dresden: HAIT.
8. Römer, F. (2008) *Der Kommissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront, 1941/42* [Wehrmacht and NA crimes on the wax front, 1941–1942]. Paderborn: Schöningh.
9. Germany. (n.d.) 100(0) *Schlüsseldokumente zur Deutschen Geschichte* [A Hundred Key Documents on German History]. [Online] Available from: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0093_kgs&l=de. (Available from: 16th November 2018).
10. Hilger, A., Overmans, R. & Polian, P. (2012) *Rotarmisten in deutscher Hand. Dokumente zu Gefangenschaft, Repatriierung und Rehabilitierung sowjetischer Soldaten des Zweiten Weltkriegs* [Red Army soldiers in German hands. Documents on captivity, repatriation and rehabilitation of Soviet soldiers of the second world war]. Paderborn: Schöningh.
11. Hürter, J. (2006) *Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion, 1941/42* [Hitler's commanders. German commanders-in-chief in the war against the Soviet Union, 1941–1942]. Munich: Oldenbourg.
12. Keller, R. (2011) *Sowjetische Kriegsgefangene im Deutschen Reich 1941/42* [Soviet prisoners of war in German Reich, 1941–1942]. Gettlingen: Wallstein.
13. Overmans, R. (2005) Die Kriegsgefangenenpolitik des Deutschen Reiches 1939 bis 1945 [German Reich policy towards prisoners of war in 1939–1945]. In: Echternkamp, J. (ed.) *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg* [German Reich and WWII]. Vol. 9(2). Munich: DVA. pp. 729–875.
14. Reinhard, R. (1998) *Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42* [Wehrmacht, Gestapo and Soviet prisoners of war in the Reich, 1941–1942]. Munich: Oldenbourg.
15. Kaltenbrunner, M. (2012) *Flucht aus dem Todesblock. Der Massenausbruch sowjetischer Offiziere aus dem Block 20 des KZ Mauthausen und die Mühlviertler Hasenjagd* [Escape from the death block. The mass exodus of Soviet officers from Block 20 of Mauthausen concentration camp and "hunting for hares in Müllviertel"]. Innsbruck: Studienverlag.
16. Edele, M. (2017) *Stalin's defectors. How Red Army soldiers became Hitler's collaborators, 1941–1945*. Oxford: Oxford University Press.
17. Althoetmar, K. (2016) *Gekreuzigte Insel. Der Aufstand der Georgier auf Texel. 6. April 1945* [Crucified Island. Rise of the Georgians on Texel. 6.4.1945]. Bad Münstereifel: Independent Create Space Publishing Platform.